

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ  
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

# КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА

*Ответственный редактор Ю. Д. Анчабадзе*



Нестор-История  
Москва • Санкт-Петербург  
2014

А. Е. Тер-Саркисянц

## Рецензия на книгу:

*В. Бигуаа.* Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов.

Сухум: Алашарбага, 2012. 302 с. (на абх. и рус. яз.).

В 2012 году этнологическое абхазоведение пополнилось новой книгой В. Бигуаа «Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов». Автор книги — известный абхазский ученый Валерий Левардович Бигуаа, долгие годы занимающийся исследованием разных аспектов древней и современной культуры абхазского народа. Примечательно, что в отличие от большинства этнологов, изучающих культуру того или иного народа в основном по специальной литературе и в полевых условиях, В. Л. Бигуаа уже с детства, как говорится, «с молоком матери» впитал в себя многие характерные элементы культуры своего народа, поскольку вырос в селе, где окончил среднюю школу, с детства слушал рассказы бабушки и деда, наблюдал повседневную жизнь сельчан и в результате сам стал носителем абхазской культуры. Дальнейшему овладению специальностью помогли учеба в вузе, аспирантуре, подготовка и защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а затем многолетняя научная деятельность в Абхазском НИИ языка, литературы и истории и в настоящее время — в Абхазском государственном университете и в Институте гуманитарных исследований АН Абхазии.

Представленная на суд читателя рецензируемая книга, написанная главным образом на основе собранных автором полевых этнографических материалов, специальной литературы, данных лингвистики и своего жизненного опыта, издана на двух языках — абхазском (с. 3–145) и русском (с. 146–299). Она состоит из введения, трех разделов

и небольшого заключения. В заслугу автору следует поставить приводимые им в каждом конкретном случае местные абхазские термины.

Во введении автор подчеркивает, что выбор им темы для данного исследования был обусловлен прежде всего тревогой за дальнейшую судьбу традиционной культуры абхазского народа, играющей на протяжении веков роль консолидирующего фактора, способствовавшего самосохранению этноса. Эта тревога вызвана тем, что сложившаяся в современном абхазском социуме ситуация такова, что традиционная культура все больше вытесняется проникновением в нее западной, в основном русифицированной культуры. В задачу данной работы автор поставил исследование абхазской традиционной культуры, ядром которой является принятое среди абхазских ученых понятие *Апсуара* как формы проявления национального самосознания и самоутверждения этого народа. По мнению автора, это сложное понятие состоит из семи субкультур: этноэкономической, этнолингвистической, бытовой, духовной, нормативной, обрядовой и правовой, которые он схематично изображает и последовательно рассматривает.

В первом разделе книги (с. 146–211) освещена традиционная религия абхазов. Наиболее подробна первая часть раздела, озаглавленная «Супремотеизм — основа традиционной религии абхазов». Под понятием «супремотеизм» автор понимает высшую стадию политеистических верований, характерных для абхазов. Он реконструирует сложный пантеон их традиционной религии, который, по его словам, напоминает структуру семейной общины, состоящей из нескольких поколений ближайших родственников во главе со старшим мужчиной. Возглавляет абхазский пантеон бог Анцва, являющийся Творцом всего сущего, учредителем и хранителем мирового порядка. К этому первому, старшему поколению богов относятся шесть его братьев и единственная сестра Нан (Анан), ей доверена земля, на которой живут абхазы. Каждый из братьев является каким-либо важным богом, владыкой, в частности Ацах — владыка подземелья, Агах — бог моря, Афы — бог грома и молнии, Апстха — владыка туч, олицетворение облаков, Ацшаха — владыка ветра, Аергъ — бог войны и военного дела. Автор приводит имена и других, более многочисленных божеств следующего поколения, каждое из которых покровительствует той или иной сфере земной жизни абхазов — явлениям природы и разным отраслям их хозяйственной деятельности. Например, это божества охоты и зверей, гор, лесов, рек и речных долин, земледелия, домашнего скота, очага и др.

Подробно рассматривая абхазский пантеон, функциональные роли разных богов, автор приходит к обоснованному выводу, что типологически этот пантеон входит в орбиту традиционных религий горских народов Кавказа, в первую очередь близкородственных адыгов. Одновременно по внутренней организации своего пантеона абхазская религия обнаруживает значительное сходство с олимпийской религией древних греков, в частности, обе они выстроены по принципу семейной общины, состоящей из нескольких поколений родственников. В то же время наряду со сходством автор выявляет и определенные различия между ними. Например, если для олимпийской религии характерно поклонение космосу, организованной материи, в ее основе лежит вещь, то в основе абхазской религии находится личность, являющаяся, по словам автора, «выше всякой природы, всякого космоса. Такой абсолютной личностью является Анца, создатель и человека, и природы, и всего космоса». Автор приходит к выводу, что в основе наблюдающегося сходства между абхазским и греческим пантеонами лежит универсализм развития политеистических верований, а разницу между ними можно объяснить самостоятельностью формирования каждого из них, при этом античная традиция не смогла существенно повлиять на абхазский пантеон, поскольку он был уже до этого полностью сформирован.

Одновременно автор утверждает, что совершенно иное отношение абхазской традиционной религии к религиям древних народов Ближнего Востока, где несомненно присутствует протоабхазоадыгский компонент, который отошел от шумерской цивилизации еще до появления в Месопотамии семитов, т. е. примерно до конца III тыс. до н. э. При этом семиты не только не вытеснили шумерскую традицию, но и развили ее.

В. Бигуаа, ссылаясь на специальную литературу, приводит абхазские заимствования в ряде индоевропейских языков, в частности, в хеттском, греческом, а также в доиндоевропейском баскском, что, по его мнению, свидетельствует о том, что в прошлом население абхазо-адыго-хаттской языковой группы занимало довольно обширную территорию: от северных и южных склонов западной части Кавказского хребта, через Колхиду и Малую Азию, до Месопотамии, возможно, даже южнее.

Эту часть раздела автор завершает приведенными им схемами о функциональной роли богов и божеств разных поколений абхазского пантеона.

Вторая часть первого раздела посвящена празднованию абхазами Нового года. Автор отмечает, что если в древности у абхазов, как и у многих других народов, праздник Нового года приходился на день весеннего равноденствия 21 марта, что ассоциировалось с наступлением весны и началом нового сельскохозяйственного года, то впоследствии, с принятием христианства, дата Нового года была перенесена на январь. В настоящее время абхазы отмечают Новый год дважды — 1-го и 14 января, при этом если первое празднество, которое проводят обычно в кругу семьи за праздничным столом и у украшенной елки, европеизировано и не отличается какой-либо этнической спецификой, то второе празднество — традиционное. Его неотъемлемой частью является отмечаемое с вечера 13-го на 14 января моление Богу кузни и кузнечного ремесла, что связано с древним культом железа у абхазов, играющего важную роль и в их современной жизни. Автор подробно описывает исполнение членами семьи этого культового обряда, который распространяется на весь отцовский круг кровных родственников и сопровождается жертвоприношением, канонадой и приготовлением обрядовой пищи и напитков. Непременным исполнителем традиционного обряда является жрец, который молится за себя как посредника между Богом и данным семейным коллективом. Хотя некоторые элементы этого праздника в современной жизни абхазов утрачены, в целом он продолжает ими соблюдаться.

Весьма информативен второй раздел книги — «Бытовая культура абхазов: структурный аспект» (с. 212–280), состоящий из четырех частей, каждая из которых посвящена наиболее значимым аспектам данной культуры. В первой части рассмотрены традиционные хозяйственные занятия абхазов, доминирующее значение среди которых имеют распространенные в низменно-холмистых районах земледелие и в предгорных и горных районах — скотоводство. Важнейшие злаковые культуры — просо, пшеница, ячмень, с XVIII века появились кукуруза, а также фасоль; техническими культурами были лен и конопля, с XIX века — хлопок. В числе основных орудий производства абхазы использовали топор, вилы, грабли, серп, пахотным орудием служила соха, развившаяся затем в плуг. Древнейшими занятиями абхазов являются также виноградарство, виноделие, садоводство, позднее — огородничество. В качестве домашнего скота абхазы продолжают разводить как крупный рогатый скот (коровы, быки, буйволы), так

и мелкий (козы, в меньшей степени — овцы). Особым почетом по-прежнему пользуется лошадь, служащая для верховой езды. В качестве вьючных животных используются мулы и ослы. Исстари важную роль в хозяйственном быту абхазов играли также пчеловодство и охота.

Вторая часть данного раздела посвящена материальной культуре абхазов. Автор рассматривает разные типы их поселений (в горных и предгорных районах — разбросанный или усадебный тип, в равнинных районах и особенно в приморской полосе — более упорядоченный) и народного жилища (до середины XX века — плетеный и дощатый, позднее — кирпичный), специфику их традиционной мужской и женской одежды (во многом схожей с одеждой горских народов Кавказа, прежде всего близкородственных адыгов) и наиболее подробно останавливается на многообразной национальной пище как растительного, так и животного происхождения, а также на традиционных алкогольных и безалкогольных напитках, среди которых особое место занимает вино, сохраняющее до сих пор в народе статус «божественного происхождения». Автор подчеркивает, что этническая специфика ощущается в составлении пищевого меню, которое зависит от времени дня и года, а также от характера той или иной трапезы (повседневной, праздничной, приуроченной к тому или иному обряду).

Третья часть раздела посвящена семье и семейному быту абхазов. В. Бигуаа останавливается на динамике структурного состава больших и малых семей, их внутренней организации, значительной роли главы семьи, взаимоотношениях супругов, старшего и младшего поколений, освещает положение невестки и круг ее обязанностей в доме мужа, отношение к детям и процесс их воспитания, говорит о разделах семей, причинах разводов, стойких обычаях избегания и гостеприимства, об основных изменениях в современной семье, о сокращении в ней детности, что не может не вызывать тревогу относительно ее будущего. По мнению автора, «современная абхазская семья стоит у опасной черты», поэтому ей необходимо вернуться к своим традиционным истокам, а этнодемографическая политика государства должна стать приоритетной. В этом разделе автор приводит ряд составленных им по хозяйственным книгам (эти книги называются похозяйственные) сельских советов и администраций таблиц о численном и поколенном составе семей в нескольких абхазских селах в 1964–1966, 1976 и 2006 годах, которые наглядно свидетельствуют о неблагоприятной демографической

динамике современной семьи, в частности, о довольно существенном увеличении за этот период удельного веса малочисленных и однопоколенных семей, а также хозяйств одиночек.

Четвертая часть второго раздела посвящена традиционному общественному быту абхазов, представляющему собой сложную и в то же время четко построенную систему отношений между членами социума. Автор показывает, что для традиционного абхазского общества, в котором основные элементы «горского феодализма» сочетались с определенными принципами демографических институтов, был характерен механизм хорошо налаженной вертикали народной власти. Существенное место при этом занимает понятие «род», состоящий из трех различных по форме и содержанию подразделений: семьи, глава которой является членом совета рода, патронимии — группы близкородственных семей, происходивших от одного предка и сохраняющих определенное хозяйственное и идеологическое единство, и братства — группы патронимий, происходивших от еще более отдаленного предка, имя которого, возможно, уже никто не знает. Важным признаком единого корня происхождения рода является строгая экзогамия в отношении всех входивших в пределы рода людей. Одним из признаков единения рода является обязанность всех его членов принимать участие во время исполнения обрядов жизненного цикла. При возникновении спорных вопросов внутри рода собирается совет старейшин, решение которого является законом для всех членов рода. В случае необходимости принятия более важных решений старейшины созывают «родовой сход», который не потерял своего значения и в настоящее время. Если решение родового схода касается интересов всей общины, то оно выносится на общинный сход. Особым социальным институтом, способствовавшим нормализации отношений между людьми внутри общины, в частности между представителями высшего сословия и независимыми крестьянами, автор называет аталычество — один из видов искусственного родства. Следующей ступенью территориальной вертикали абхазского социума было региональное общество, число которых истари составляло семь — по числу регионов, каждый из которых имел свой центр общественно-политической жизни. В случае возникновения опасности для страны владетель региона посылал глашатаев в сельские общины. В результате в считанные часы каждый регион мог выставить тыся-

чи вооруженных бойцов, из которых формировалась армия. Непременным регулятором взаимоотношений членов абхазского общества является традиционная соционормативная культура, определяющая характер поведения каждого его члена.

Третий раздел книги — «Обрядовая культура: традиция и современность» (с. 281–295). Он состоит из двух частей, каждая из которых посвящена одной из традиционных обрядностей жизненного цикла — брачно-свадебной и похоронно-поминальной, которые до сих пор отмечаются абхазами в строго театрализованной форме. В первой части автор коротко говорит об имевших место в абхазском обществе способах заключения брака — похищении, тайном уводе невесты, осуществляемом по взаимной договоренности сторон, и так называемом гласном браке, который завершается традиционным свадебным торжеством. Более подробно рассмотрен последний способ брака, состоящий из сватовства, самой свадьбы, во время которой невесту торжественно переводят в дом жениха, свадебного пира и послесвадебного цикла, включающего «ввод невесты в большой дом», «приглашение зятя родителями жены» и «приглашение родителей жены зятем». К сожалению, автор ничего не пишет о принятом среди абхазов брачном возрасте, который, как известно, отличается от брачного возраста других народов Кавказа в сторону увеличения, о разного рода брачных запретах, о национально-смешанных браках. Интересно было бы проследить, как со временем менялись эти показатели.

Более подробно написана вторая часть раздела, посвященная похоронно-поминальной обрядности. В ней автор приводит немало конкретного материала по принятым среди разных региональных и конфессиональных групп абхазов многотысячным похоронам, а также последующей за ними поминальной обрядности, ее сроках, участии в ней большого круга родственников, оказывающих как материальную (жертвенные животные, продукты питания, напитки), так и участвующую в наше время денежную помощь семье покойного.

В целом рецензируемая книга должна быть интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Особенно желательно, чтобы с ней ознакомились представители молодого поколения абхазов, которые поняли бы тревогу автора за будущую судьбу своего малочисленного народа и задумались бы, как можно предотвратить грозящую ему этнодемографическую катастрофу.